

Заразительность ритма рецензируемой книги, если кратко — я могу доказать, пожалуй, лишь собственными двумя четверостишиями, невольно индуцированными, шамански навеянными (кормление — камлание) ее, книги, чтением:

Не терплю больше этот Содом,
Тут и жители все: содомиты.
Знаю, что с ними станет потом —
Не пророки, но лыком не шиты!

Не хотел их судьбу разделить,
Переехал, за прессой слежу.
Скоро-скоро!
Тут соседи: ОК! Можно жить.
Да и город уютный... Гомор-ра!

Лот, кстати, тоже встречается на страницах книги... Не хотел особо кромсать «Кормления уток на реке Сходне», но слишком уж момент был подходящ, и слишком мне интересен любой опыт общения с другим, новым поколением, которое как ни крути, но сменит нас. О своем преподавании истории (в другом универе) публиковал очерки и даже как-то раз стихи. Что там у них на уме? Порой кажется, один только рэп (наличие в их поколении исполнителей и слушателей (!)) этого словесного дерьма — аргумент против попыток поиска всяких взаимопониманий, но все же любопытство пересиливает.

P. S.

Вот и свою экс-студентку, аттестовавшую Лесина Е. А. «ностальгирующий мизантроп... добренький только с утками», я тогда немножко поддразнил. Не без элементов зондажа, «литературного теста» (или «квеста»?): как наше слово отзовется? И вообще. Объяснил Оле, что это «Кормление на Сходне...» было только «Прикармливание...», что скоро, вот-вот выйдет и продолжение «На Сходне-2», и уж там, собрав всю стаю, он, Лесин Е. А., им покажет! Никаких сантиментов, только дробь № 8 и десятый калибр...

Не очень разбираясь в словаре современных молодежных гримас... не уверен, что Олю заинтересовал мой самозванный «сиквел» — потому и оставляю его за пределами статьи, в постскрипуме.

Игорь ШУМЕЙКО

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Евгения Некрасова. Калечина-Малечина. Роман. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019. — 279 с. — (Роман поколения).

Роман, о котором спорят. История, хотя и со сгущенным окрасом, до грусти банальна. Главная героиня, десятилетняя Катя, живет с родителями в «лилипутском» городке вблизи мегаполиса в панельной многоэтажке и, как это часто бывает, постоянно находится дома одна. Родители рано утром спешат на электричку — в «Гулливе-

рию» (читай Москва), на работу, приезжают поздно вечером, уставшие и измотанные. Катя сама собирается в школу, идет туда, возвращается обратно в одиночестве, разогревает в микроволновке еду, обменивается эсэмэсками с мамой. Когда-то за ней приглядывала бабушка, но она умерла. Маме постоянно некогда, вечером — домашние дела, готовка, да еще плетение тугих косичек дочери, утром некогда. Неудивительно, что в школу Катя приходит растрепанная и с «петухами» на голове. На все реплики дочери ответ один: «Не придумывай». С отцом еще хуже: он постоянно кричит, что дочь дебилка и позорит его перед людьми, с его точки зрения, дочь все делает слишком медленно и неправильно, доходит и до рукоприкладства. Запрещено все: хороший мобильник, телевизор, компьютер, — а вдруг сломает. Неудивительно, что девочка радуется, когда она дома одна, и с ужасом ждет вечера. В школе не лучше: Катю травят сверстники, в травле участвует и классная учительница, смеется со всеми над Катей только из-за того, что та пишет на доске стихотворение не в столбик, а в строчку. Единственная подруга, благополучная Лара, переключила внимание на одноклассников и даже на главного «вредителя» Кати. А ведь у Лары дома можно было посмотреть мультики, попрыгать под музыку рекламных роликов, поесть вкусности, и — а чудо! — Лара свободно говорила с родителями, опыт, который Кате дома повторить не удалось. Чтобы справиться с отчаянием и страхами, девочка постоянно прокручивает в голове считалку «Катя катится-колошматится». Она отнюдь не бесталанна. Да, не расторопна, но необычно видит и мыслит, так, потолочные подтеки для нее вырисовываются то в горы, то в облака, то в меховую рукавицу, поддерживающую младенца. Ей не хватает внимания, любви и заботы, а как только маленький лучик доброты и ласки, исходящий от учительницы летнего лагеря, прикоснулся к девочке, Катя начала писать чудные тексты, приобрелась к чтению и научилась радоваться муми-троллям, Гулливеру, Пеппи Длинный Чулок. Кризис разразился, когда за математическое задание, записанное в стихотворной форме, и за недовязанные варежки (урок труда) классная руководительница пообещала Кате отправить ее в спецшколу для отстающих. Ради «себяспасения» Катя вязала всю ночь, но вместо корявых варежек, которые она несла в школу, в пакете оказались перепутанные нитки. В драматическое повествование включается мистика. И странные явления, происходящие в доме: пропажа вещей и внезапно возникающий беспорядок, путанные клубки вместо неуклюжих варежек, — получают объяснение. В доме за плитой живет домовая кикимора, создательница, похожее на старушку и ребенка одновременно. Кикимора поможет связать красивые варежки, но до учительницы отнести их не удастся — отнимут мальчишки. Тогда, чтобы заслужить признание мамы-папы, Катя и кикимора отправятся в деревню, к дяде Юре за деньгами за дачу бабушки, которые он, оформив купчую, не отдал отцу Кати. Ритм ускоряется, теперь для Кати главное ничего не вспоминать, но действовать, и из сложных ситуаций она находит выход, не раз исправляет злобные проделки кикиморы, падкой на жутковатые чудеса. Само присутствие пусть странного, но друга рядом меняет ее мироощущение девочки. Две контрастные сценки: Катя катается с горки одна, не принятая в компанию других детей, и вторая, когда она приходит туда вместе с кикиморой, и они вместе радостно присоединяются к другим. «Я тоже устала, но мы дети и должны играть», — поясняет она кикиморе. О книге спорят критики, интернет-сообщество. Диаметрально рознятся оценки своеобразного слога: необычные метафоры, причудливые слова и словообразования, злоупотребление вместо слова ребенок — «невывросший», а вместо взрослый — «выросший». Повествование ведется языком ребенка, который видит окружающий мир по-своему и, чтобы выжить в нем, изобретает свой уникальный язык, языком девочки, которая «плохо обертывала мысли и ощущения в простую и симпатичную упаковку». Споры вызывает концентрация зла, атмосфера

нелюбви вокруг одной маленькой девочки: родители, одноклассники, учителя, соседи, просто люди вокруг. Критики обсуждают, как фольклорные (домашние кикиморы — бывшие, не пригодившиеся никому дети) и фантастические мотивы уживаются с современностью, указывают на множественность литературных корней. Само название «Калечина-Малечина», восходит к стихотворению А. Ремизова, которое кикимора превратила в песню, вызвавшую у Кати улыбку. Финал вполне благополучный: Катя с мамой уехали и зажили обычной жизнью, они разговаривают каждый вечер. Эта книга о ребенке, но не для детей: есть не совсем подходящие моменты. Она для родителей, которым вот так, в художественной, полусказочной форме предлагается посмотреть на своих детей, на то, в каких ситуациях и обстоятельствах им приходится жить.

Ирина Чайковская. Путешествие с Панаевой. СПб.: Алетейя, 2019. — 258 с. — (Серия «Италия—Россия»).

Ирина Чайковская, филолог-славист, выехала с мужем и двумя детьми в Италию в 1992 году и прожила там семь лет. Жили четвером на крохотный грант, вокруг не было русскоязычной среды, будущее оставалось неопределенным. Трудности и горести скрашивались аурой красоты и добра, создававшей вокруг семьи своеобразный щит. Вынужденная в силу обстоятельств переехать в США, она испытала там психологический шок. Спасением, источником силы стали задуманные ею рассказы об Италии: на расстоянии Италия выглядела как сгусток красоты и человечности. Практически все произведения, вошедшие в сборник, написаны в США. Место действия — небольшой город в бухте, освоенной в незапамятные времена еще греками. Бесчисленные холмы, брусчатые наклонные улочки, главный храм Дуомо, выстроенный из остатков древнего храма Афродиты тысячу лет тому назад, старинное Еврейское кладбище. Проводя своих героев по заповедным улочкам и площадям, по шумным рынкам города, И. Чайковская дает прочувствовать очарование старинного городка с характерными итальянскими приметами: море, пинии, изнуряющий зной, благотворный воздух, — дает прочувствовать прелесть неторопливой, размеренной жизни. Прототипами ее героев являются реальные люди. Среди них — «праведники» Италии, носители высоких нравственных принципов, появляющиеся в ряде произведений. Это и стойкая к невзгодам малограмотная крестьянка Лючия, в старости посвятившая свою жизнь служению людям. И влюбленный в Чехова, похожий на русского земского врача, великий альтруист доктор Милиотти. И такое знакомое: «Наши с женой отцы-крестьяне лелеяли мечту об образовании для детей». Он — врач, жена — педагог. Но уже их дети и супруги детей легкомысленны, беспечны, инфантильны. Судьбе каждого из них посвящена отдельная новелла. Доктор надеется, что достойное место в обществе займут внуки. И у него есть мечта, навеянная посещением России: «И еще мне хотелось бы, перед тем как навечно смежить веки, узреть залитый майским солнцем сад в Севильяно, и в нем — кусты крыжовника, усыпанные крупными, невиданными здесь ягодами». Для него крыжовник — отнюдь не символ пошлости и мещанства. Праведником является и мудрый и человечный дон Агостино, волею родителей ставший священником, но в душе мечтающий иметь свою семью, что в католичестве для священника невозможно. Кров у него находят герои многих рассказов. И. Чайковская повествует об обыденной жизни рядовых итальянцев, ее интересует человек, его чувства, мечты, эмоции. В Италии она преподавала русский язык, и каждый из ее многочисленных учеников — своеобразная личность с особой судьбой. Но у молодежи Италии есть и общая проблема: безработица, невозможность работать по специальности даже при наличии диплома, отсюда — посещение всевозможных курсов, в надежде, что что-то пригодится. Ценится

любая работа, удивление одного из итальянцев вызвало то, что беженец-армянин не захотел, не смог работать на войне. Среди героев — неизменно русские, чаще женщины с ребенком. Принятые местным обществом, они несут в себе и груз неопределенности будущего, и тоску по родине. «Болит, разрывается душа, плачет и стонет, проклятая Россия, ты не отпускаешь, не отпускаешь, не отпускаешь...» И что остается? Петь сыну русские романсы, песни пионерского детства, в надежде, что дети будут петь их и своим детям и внукам. «Сейчас принято говорить о подлом обмане советского народа, о подлоге, о различных мифах, в том числе и о мифе „счастливого детства“ советских детей. На расстоянии, возможно, все так; наверное, нас обманули; но у меня действительно было счастливое детство. Когда мы с сестрой пели в пионерском лагере „До чего же хорошо кругом! / Под деревьями счастливый дом...“, мы именно так и ощущали окружающее». Одной из сквозных тем сборника является «еврейская тема». Именно вспышки антисемитизма в России в начале 90-х годов стали решающей причиной отъезда семьи Чайковской на Запад. К очередям, к дороговизне можно было привыкнуть. Терзал страх за детей. И в Италии пришлось столкнуться с неприятием евреев в крестьянской среде, хотя там, как и вообще на Западе, под словом «еврей» подразумевается вероисповедание, а не национальность, а ко всем выходцам из России применяется слово русский. С собой в Италию И. Чайковская увезла любовь к русской литературе и языку. И неудивительно, что на страницах книги есть рассказы, где она обучает своего ученика русским идиомам; что юный любитель Лермонтова Паоло имеет облик лермонтовского демона; что несостоявшийся роман итальянского юноши Андре и русской девушки Наташи — аллюзия сюжетной линии «Войны и мира» Л. Толстого. Квинтэссенцией литературной «русскости» является повесть «Путешествие с Панаевой». Место действия — тот же городок у моря. Герои — бывший питерец, ныне гражданин США и итальянец, объединенные интересом к судьбе невенчанной спутницы Н. Некрасова. Для русского американца Панаева — спасительное лекарство, благодаря чему он ускользает от своих неприятных ощущений, от мыслей о жизни, от самой жизни. Роль Панаевой здесь подсобная. Это современное произведение, где присутствует и террорист-албанец, и теракт, унесший жизни детей и старого священника, и «крамольные» — для Запада — размышления, вложенные автором в уста героев. Наверное, автору, живущему в США, нужна смелость, чтобы так резко выступить против противоестественных гомосексуальных связей, так пронзительно обозначить «европейскую перспективу». «Пойдем прахом, и „новеньким“, азиатам или арабам уже не будет до европейцев дела... Кто из нас помнит шумеров, хеттов, финикийцев, скифов? Что сохранилось в нашем сознании от предшествующих цивилизаций? Ноль. Практически ничего. Так будет и у них». Нежные, лирические рассказы И. Чайковской о любви, порой переходящие в красочные очерки, таят в себе глубокие смыслы.

Святой Димитрий Донской. Сборник. М.: Абрис, 2019. — 256 с.: ил. — (История России).

Димитрий Донской (1350—1389) стал почитаться в народе как избранник Божий почти сразу после Куликовской битвы. В 1988 году на Поместном Соборе РПЦ провозглашен святым. В сборник вошли «Слово о житии и преставлении князя Дмитрия Ивановича» (XIV—XV века), первый стихотворный перевод древнерусской песни «Задонщина» (XIV век), исторические исследования русских авторов XVIII—XX столетий А. Манкиева, В. Татищева, А. Казадаева, Н. Савельева-Ростиславича, Н. Троицкого и архимандрита Леонида (Кавелина). Их труды не переиздавались с момента первой публикации. А личности они были значительные. Русский историк и дипломат А. Ман-

киев, плененный в 1700 году под Нарвой, свою книгу писал в шведской тюрьме, пользуясь библиотекой «непозволительно близкого к москвитам» шведского ученого. В. Татищев располагал документами, не дошедшими до нас, его книга содержит переписку Олега, Мамаю и Ягайло. Академик А. Казадаев — один из самых образованных людей своего времени. Оригинальные мысли Н. Савельева-Ростиславича созвучны философии евразийства. Краткие биографические очерки представлены в книге. Собранные под одной обложкой исторические изыскания дают многомерную картину далекого прошлого. Русь времен Дмитрия Донского: постоянное противостояние Орде и Литве; распри русских князей, выливающиеся в войны с Москвой; церковные споры; моровая язва; засуха; пожар 1365 года, превративший Москву в пепел, после чего князь Димитрий принял решение отстраивать город из камня. Летом 1378 года московское войско нанесло поражение татаро-монголам в битве на реке Вожа. И фактический правитель Золотой Орды Мамай начал готовиться к большому походу на Русь. Москва отказывалась платить дань на прежних условиях, ярлыки на княжение, выдаваемые ханами, утратили силу: князья самостоятельно решали, кому и где править. Мамай нашел поддержку у литовского князя Ягайло и рязанского князя Олега. Историки сосредотачиваются на самых ярких эпизодах судьбоносного события. Это и процесс сбора войск по Руси, когда Димитрий сумел «возбудить» местных князей, «употребив и власть, и благоприветливые внушения: одних обласкал любочестие, других подвигнул обещанием наград, иных прелестью свое добродетели и пользою России преклонил» (А. Казадаев). Пришли не все, не все подчинялись Москве: не было полков смоленских, нижегородских, новгородских, рязанских, тверских. Подчеркивается религиозная составляющая события, в том числе роль Сергия Радонежского: на все свои деяния великий князь получал благословение Церкви, перед решающим сражением посетил Троицкую обитель, где преподобный Сергий предсказал победу его христианскому воинству и отрядил в помощь двух иноков — Ослябю и Пересвета. После битвы, в которой потери с обеих сторон были огромны, именно в Троицкой обители князь начал всенародное поминовение убиенных воинов, поминальная Димитровская суббота утвердилась на века. Подробно изложен весь ход Куликовской битвы, состоявшейся на Куликовом поле между реками Дон, Непрядва и Красивая Меча 8 (21) сентября 1380 года и длившейся с полудня до заката солнца. А началась она поединком Пересвета и татарского богатыря Челубея. В битве участвовал и сам великий князь, на увещания оставаться в безопасном месте отвечал: «Как я скажу: братья, потягнем вкупе, когда сам стану укрывать лицо свое? Словом и делом хочу быть впереди всех, и перед всеми главу свою положить, да и прочие примут дерзновение». Из текста в текст воспроизводится драматическая сцена, как уже после битвы израненного князя нашли его соратники. Из текстов вырисовывается выразительный портрет Димитрия, ставшего великим князем Владимирским и Московским в восемь лет. Он рано поставил цель, к которой шел последовательно: свергнуть иго орды и восстановить самобытность Руси. Первым из московских князей возглавил вооруженную борьбу народа против татар. Н. Савельев-Ростиславич заключает, что Куликовская битва привела к ментальному объединению Руси и положила начало формированию великорусской нации: если на Куликово поле шли, будучи москвитянами, владимирцами, Можайцами, серпуховчанами и новгородцами, то возвращались оттуда русскими. А сливали все русские княжества в одно государственное тело, даже против желания их властителей, язык и религия. Впечатляющую картину, созданную историками, дополняют включенные в книгу поэтические произведения. Превосходна поэтика первого стихотворного перевода древнерусской воинской песни «Задонщина» (около 1383 года), выполненного составителем сборника Евгением Лукиным: «То не быстрые соколы перелетали за Дон, / То не яс-

требы на лебединую стаю слетали, / То набросились воины, кречеты ратных времен, / На татарскую рать.: харалужные копыя трещали / И стучали щиты, и гремели о шлемы клинки. / Закипел бой на поле у тихой Непрядвы-реки». Пронзительны песни вдов: «Эти песни, что птицы поют, / Так похожи на плачи и стоны. / По убитым в далеком краю / Голосят воеводские жены». Именно в этой древнерусской песни сказано, что сражались «за землю Русскую, за веру христианскую, за обиду великого князя», что потом превратилось в боевой клич: «За веру, царя и Отечество». К подвигу прадедов на Куликовском поле не раз в трудные минуты обращались потомки. Актуальной в 1812 году стала пьеса В. Озерова «Дмитрий Донской»: «России миру нет, доколь в пустыню / Свирепостью своей враги не превратят / Иль, к рабству приучив, сердец не развратят / И не введут меж нас свои злочестны нравы». В 1942 году Д. Кедрин писал: «Не испить врагу шеломом Дона! / Русские не склонятся знамена! / Будем биться так, чтоб видно было: / В мире нет сильнее русской силы!» («Дума о России»). Завершает сборник драматическая поэма современного петербургского поэта Е. Лукина «Непобедимая воевода». В основе ее события 1591 года, когда огромное войско крымского хана Гирея подошло к Москве и по инициативе царя Федора Иоанновича к месту будущей битвы вынесли икону Донской Богородицы, образ, что «являлся воинам / Благоверного князя Дмитрия / На кровавом поле Куликовом / В час великой битвы с Мамаем». Царя поддержал и Б. Годунов: «Воистину: твердыне грош цена, / Когда духовной мощи лишена. / Я как-то выпускать из виду стал, / Что Слово есть начало всех начал». Войско Гирея бежало, не приняв битвы. Выпущенная к знаменательным датам (в 2020 году 670-летие со дня рождения Дмитрия Донского и 640-летие со дня победы в Куликовской битве) книга богато иллюстрирована: иконы, древнерусские миниатюры, фрески, картины известных русских художников.

Елена ЗИНОВЬЕВА

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)